

Константин Фрес

**НЕНУЖНАЯ ЖЕНА.
РЕЦЕПТ ЛЮБВИ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ф87

Фрес К.

Ф87 Ненужная жена. Рецепт любви / Константин Фрес – М.: Литнет, 2025. – 300 с.

ISBN 978-5-521-94283-1

Аннотация к книге "Ненужная жена. Рецепт любви" Я умерла и попала в другое тело. Теперь я не безнадежная умирающая, а молодая женщина в средневековом городке. Муж мой, красавец и щеголь, промотал мое приданое и вздумал жениться на богатой красотке. А меня, больную, безжалостно выгнал на мороз, да еще и с ребенком на руках! Теперь я не верю ни в людей, ни в любовь. Никто мне не поможет. Рассчитывать я могу только на себя. И мне придется бороться и много работать, чтоб мы с малышкой выжили и нашли свое счастье

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94283-1

© Литнет, 2025
© К. Фрес, 2025

Глава 1. Лишние рты

– Вы не можете так со мной поступить!

– Не могу?! А кто мне помешает?

Старуха у жарко пылающей печи смеется, уперев руки в боки.

Впрочем, какая старуха. Клотильда еще крепкая женщина. На ее лице совсем немного морщин, оно свежее и румяное. Волосы ее сплетены в косы и аккуратно уложены на голове веночком.

И одевается она как молодая. А сегодня даже принарядилась. Надела свежий льняной фартук с кружевами поверх темно-синего платья.

Празднует избавление.

Избавление от меня!

– Я, – как можно тверже говорю я, хотя от слабости меня шатает, – жена вашего сына и хозяйка этого дома. Вы не имеете права...

– Хозяйка? – Клотильда снова расхохоталась, перебив меня. – Что-то я не припомню, чтоб Жан велел мне тебя слушаться во всем. Наоборот. Уезжая, он все мне оставил. Так и сказал: «За всем ты присматривай, матушка. Все в твои руки вверяю!»

– Это потому, – шепчу я, качнувшись и уцепившись рукой за стол, чтоб не упасть, – что я была беременна...

Глаза старой злобной ведьмы вспыхивают недобрым торжеством.

– И где же ребенок? – елеинным голоском спрашивает она.

Из глаз моих льются слезы. Сплошным непрерывным потоком. Невольно касаюсь плоского, пустого живота ладонью, и старуха клекочет, как стервятник:

– Недоглядела! Уморила сыночка моего Жана! Выносить не смогла! Негодная! Ни на что негодная!

– Вы заставляли меня работать, – шепчу я в отчаянии.

Почему она так жестока? Я потеряла ребенка, а она словно нарочно давит на самое больное. Тычет ножом в раскрытую рану!

Клотильда всплескивает руками.

– А как иначе?! – притворно негодует она. – Не хочешь работать, а лопать хочешь?! А кто тебя должен кормить? Я, что ли?

– Муж, – несмотря на голод и слабость, огрызаюсь я. – Это обязанность мужа, содержать свою жену!

– Муж твой уехал, – огрызается старуха. Теперь она похожа на злобную псину, защищающую от посягательств чужаков двор. – И ничего на твой счет не сказал! Ни гроша мне не оставил! А я что, из своих сбережений должна тебя содержать? Сама нуждаюсь!

Клотильда лжет.

Она уж точно ни в чем не нуждается.

У нее до омерзения сытое лицо.

Красное, с парой подбородков.

На печи кипит наваристая похлебка, а за столом сидят трое упитанных детей – ее детей, разумеется, – и, уписывая суп, похихикивают, глядя на меня хитрыми и злыми глазами.

– Я нуждаюсь больше вашего, – говорю я. Стараюсь, чтоб голос мой был строгим и суровым, но пищу еле слышно, как котенок. – Я больна и голодна. Я еле встала после болезни...

Клотильда фыркает и нервно дергает плечом.

– Ну, встала же, – бросила она небрежно. – Хоть бы спасибо сказала, что не дали тебе помереть. А могли бы вывалить тебя вон в снег, и все.

– Не могли, – теперь зло прорезалось в моем голосе. – Если так, то вас осудили б за убийство.

На это Клотильда смолчала.

– Не скаль мне тут зубы, – отвернувшись к печи и ловко снимая свой котел со вкусно пахнущим варевом, огрызнулась она. – Ишь, чем удумала пугать... Жива – уже хорошо. После тебя, заразной, придется всю постель сжечь, да комнату выбелить! Сплошные убытки...

– Я не заразна! Это была горячка после родов...

– Хватит болтовни! – снова огрызается Клотильда. – Сказано

тебе – собирай свои манатки и топай отсюда, куда хочешь! Не нужна ты здесь больше.

– Что скажет Жан? – шепчу я в последней надежде.

Клотильда сурово сопит.

– Жан приедет к маю, – отвечает она зло. – Обещался как раз к рождению сына. Вот тогда и узнаем, что он скажет.

Это какой-то нескончаемый кошмар.

Я не знаю, что сказать, не знаю, что делать. Не знаю, куда идти.

– Я выйду к людям, – говорю я. – Пожалуюсь... они заставят вас принять меня обратно.

– Поленом тогда хребет тебе сломаю, – шипит мне в лицо эта злобная гарпия. – А всем скажу – упала. Все равно тебе не жить. Не с моими детьми под одной крышей!

Мысли от слабости путаются, и я не нахожу ничего умнее, чем упасть на лавку и вцепиться в стол.

– Есть дай, – рычу, стискивая худыми пальцами скатерть и люто, по-волчьи, глядя на Клотильду. – Если не дашь, сяду на твой порог и умру там. Отвечать тебе придется по закону. Не дожидаясь Жана. И совсем перед другими людьми.

Понимаю, что хочу жить.

До одури боюсь упасть снова в это черное небытие, где гулкая пустота трогает ледяными ладонями.

Я там была.

Я упала туда, когда подумала, что хуже уже не может быть.

В своем мире я была больна. Безнадёжно. Смертельно. И когда мой час настал, я дико хотела только одного – жить. Как угодно, где угодно, но жить!

Дышать, ходить, работать, уставать... Да даже если и болеть – то бороться!

Я хотела, чтоб у меня был шанс. Я считала несправедливым, что болезнь настолько сильнее меня. Я клялась, что смогу победить что угодно, если у меня будет шанс!..

Вот он какой, значит, этот шанс...

На мои воспоминания теперь наслаивались чужие. Той девушки, что потеряла из-за тяжелой работы ребенка и не перенесла горячки.

Эта Клотильда, истинная ведьма, просто уморила бедняжку.

Нарочно. Безжалостно и планомерно. Словно котенка ненужного утопила.

Отряхнула руки и фартук поменяла, вот и все.

А девушка была слишком юна, слишком нежна и кротка, чтоб возражать и сражаться...

Сколько ей исполнилось? Еле-еле двадцать? Добрая невинная душа.

Кажется, она была сирота, дочь старого аптекаря. Жила себе в долине, работала в саду при аптеке, выращивала цветы и травы, пока не повстречала этого... Жана. На свою голову!

Жан был красивый. Да почему был, он и сейчас такой же. Высокий, черноволосый, холеный. Очаровать-то девчонку он сумел быстро. И еще быстрее – промотать ее небольшое приданое.

Все семейство Жана во главе с его ушлаой маменькой жило припеваючи всю осень и зиму. А к весне, стало быть, молодя жена стала не нужна.

– Да подавись ты, зараза! – раздраженно выкрикнула Клотильда, грохнув передо мной миской с похлебкой. Немного, но после болезни больше я и не съем. А силы мне придаст и пара ложек горячего.

Словно волчонок, ухватила я кусок хлеба без спроси и принялась жадно есть горячий суп, чем вызвала еще больше смешков со стороны детей Клотильды.

Им было забавно, что я ем и давлюсь от жадности и спешки. Им было смешно, что еду мне приходится выпрашивать.

И им нравилась власть их матери надо мной.

А сама она была очень недовольна моим своеволием. Но отнять взятый без разрешения хлеб побоялась.

Наверное, ей показалось, что я в руку ей зубами вцеплюсь.

Да я и вцепилась бы. За свою новую жизнь, начатую так странно и неудачно, я вцепилась бы зубами в чью угодно руку!

***

– Раз жрешь тут бесплатно, – грубо произнесла Клотильда, – с собой эту заберешь. Хватит мне уже кормить тут всяких оборванцев...

Из темного угла она за руку вытащила упирающуюся девочку, грязную и худую, в ношеном старом платье коричневого цвета.

Малышка упрямо и враждебно молчала, глядя большими глазами на Клотильду, и та наподдала ей подзатыльник за этот взгляд.

– Змееныш! – злобно прошипела старая гарпия.

А я чуть куском не подавилась.

Этот ребенок, эта малютка лет пяти с тонкими золотистыми кудряшками – это была внебрачная дочь Жана. Так сказала ее мать, подкинувшая девочку на порог нашего дома. Оставила и ушла, худая и бледная нищенка.

Жива ли сейчас? Вряд ли. А если и да, то немногим лучше меня себя чувствует.

Жан еще никого не сделал счастливее и здоровее. Он, словно паразит, присасывается и высасывает все соки, всю жизнь выпивает.

– Но это же ваша внучка! – изумленно воскликнула я, глядя на девочку.

Та не заплакала от подзатыльника. Для бедняжки это было уже привычное дело.

Она все так же молча смотрела на меня, прижимая к себе странную игрушку, то ли черного медведя, то ли кота, кое-как сшитого из вытертого старого плюша.

Единственное, что осталось у нее на память от матери... Дети Клотильды не отняли игрушку у девочки только потому, что та была слишком уж грязная и протертая чуть не до дыр.

Ну, и сама владелица кота имела обыкновение кусаться. Отчаянно, несмотря на тумачи, которых доставалось ей предостаточно.

– Как бы не так! – рявкнула старуха. – Жан говорит, что звать не знал эту проходимку, подкинувшую нам этого звереныша!

– У нее ваши глаза, – пробормотала я, ошарашенно разглядывая девочку. – Это же ваша... как же вы можете!..

Но у старухи точно в груди камень.

– Обе убирайтесь, – прошипела она, – и точка!

– Вы за все ответите! – выдохнула я, потрясенная.

Клотильда ослабилась. В чертах ее неприятного лица засияло злое торжество.

– Доживете до мая – может, и отвечу, – мерзко проговорила она.

Скажем прямо, шансов дожить до мая, да и просто прожить хотя б несколько дней на улице, куда гнала старуха, у меня было маловато.

С ребенком на руках – еще меньше.

С чужим ребенком. С ребенком человека, назвавшегося моим мужем, и избавившегося от меня, как только взять стало нечего.

Я ведь не дуручка. Все я понимала.

Это юная тихая жена Жана могла бы верить в то, что старуха-свекровь распоясалась, пока сына нет дома. Я же, занявшая тело девушки нечаянно и самовольно, видела это семейство просто насквозь.

Жан еще раз намерен был жениться.

Развестись со мной он не мог. Тогда б суд обязал его отдать мне мое приданое, да еще и денег на новорожденного ребенка заставил бы приплатить. А Жан никому и ничего платить не собирался.

Поэтому они с матерью и удумали избавиться от молодой жены.

Да и от плода греха, от девочки-подкидыша, тоже.

Видно, Жан наконец-то очаровал не какую-нибудь деревенскую дуручку, а даму солидную, богатую. Значит, темное прошлое ему ни к чему.

Молодая жена умерла в родах? Что ж, так бывает. Никто б не придрался.

Но план старухи и мерзавца-мужа разрушила я. Свалившись

в чужое, обессиленное тело, оживив его своей неистовой жадной жить.

А за то, что такой хороший, выверенный план разрушился, Жан строго спросил бы со своей мамы. Вот она и лютует, огрызается. На крайние меры пошла, гонит меня из дому.

— Что людям скажете, — глухо говорю я, цепляясь за последний шанс остаться здесь, под кровом, в тепле. — Как оправдаюсь.

Клотильда фыркнула.

— Скажу, что пошла за хворостом и не вернулась! — дерзко выкрикнула она. — Может, заплутала, а может, сбежала. Все же знают, что ты дурушка. Потаскушка деревенская.

Дети за столом так и покатались со смеху, показывая на меня пальцами.

— Шлюха, шлюха! — радостно вопили они.

Молодая жена Жана не была потаскушкой.

Это старуха злословила про нее, вымещала так свою ненависть и зависть.

У Клотильды четверо детей, и все от разных мужчин.

С ней и соседи-то здоровались через раз, потому что говорили, что Клотильда одно время жила в городе. И вот там она как будто бы продавала себя за деньги. И детей всех прижила от клиентов.

Так что стыд ей так наколот глаза, что она рада была обратиться людскую молву против невинной девочки...

— Сама такая, — огрызнулась я.

Клотильда пошла пунцовыми пятнами, ринулась к столу.

— А ну, пошла! — закричала было она, замахнувшись.

Но я ухватила нож и ткнула в ее сторону. Малолетние засранцы тотчас испуганно смолкли и съежились на своих местах. Мать их застыла на месте, испуганно опустив руки.

— Стой, где стоишь, — рявкнула я. — Не то кишки выпущу. Терять мне нечего.

— Я слуг сейчас позову, — выдохнула Клотильда. — Они тебя взащей... Они тебя...

– Сама уйду, – огрызнулась я. – Просто рот закрой и дай поесть.

Я обернулась к девочке, которую старуха мне навязывала, и жестом подозвала ее к себе.

– Ну, иди ко мне. Есть хочешь?

Девочка не ответила. Темные глаза ребенка метнулись к дымящейся чашке с остатками похлебки. Девочка сглотнула и сделала шаг вперед. Отчаянно и с мольбой глянула мне в лицо.

Все ясно. Ребенка старая стерва тоже не кормила сегодня.

– Иди, не бойся, – я протянула руку, коснулась ребенка. – Съешь мой суп.

Девочка была, конечно, дикарка.

В путаных воспоминаниях юной жены Жана, которые нахлынули на меня, словно морские волны, я не находила ни имени этой малышки, ни то, умела ли она говорить.

Да и сама девушка, вечно занятая работой, не находила свободной минутки, чтобы уделить внимание этому ребенку. Поэтому никаких теплых отношений между нами, такими одинокими и такими одинаковыми в своем несчастье людьми, не было. Девочка не любила меня, не доверяла.

Но сейчас голод пересилил ее страх передо мной.

И она проворно взобралась ко мне на колени, без уговоров схватила ложку и принялась есть с такой жадностью, что дети снова зафыркали, подавляя смешки. И Клотильда усмехнулась, морща тонкие злые губы.

– Всяких выродков кормишь, – процедила она надменно. – Самой нечего жрать, сама из милости выпросила тарелку супа, и переводишь добро на всякую подзаборную шваль! Сдохла бы, всем было б легче!

А у меня сердце защемило.

Как же нам быть с тобой, малышка?..

Я доела свой кусок хлеба, макая его в чашку, откуда ребенок торопливо вычерпывал суп. Слабость потихоньку отступала, голо-